

Кубанский писатель

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

Поздравляем

Серебряной медалью имени Петерима Сорокина за высокие достижения в развитии социальных наук по решению РАН награжден Айтеш Аюбович Хагуров, профессор социологии, член Союза писателей России. Вручение награды состоялось в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

ПАНОРАМА

Жители известной кубанской станицы Некрасовской приурочили открытие к Году истории России (2012). На празднике выступили представители казачества, благочинный Усть-Лабинского округа, настоятель храма преподобного Сергия Радонежского г. Усть-Лабинска протоиерей Александр Черных и поэт из Краснодара Владимир Архипов, который отметил, что открытие на Кубани уже пятого сельского историко-литературного музея является для нашего времени поистине отрадным событием.

В Ставрополе, в филиале Краснодарского университета МВД России, состоялась презентация книги кубанского писателя, члена Союза писателей России, кадрового военного Владимира Серебрякова «О тех, кто помнит», рассказывающая о героях России, кавалерах ордена «За личное мужество». В мероприятии приняли участие федеральный инспектор по Ставропольскому краю Виктор Барнаш, преподаватели и слушатели филиала академии, студенты гражданских вузов, курсанты.

В Краснодаре прошла презентация книги Валентина Мартынова, участника Великой Отечественной войны, заслуженного работника МВД СССР, «Невозможное возможно», изданная в рамках краевой целевой программы администрации Краснодарского края «Кубань – и великие победы России». Автора сердечно поздравили ветераны, члены комитета памяти маршала Г. К. Жукова. Кубанские писатели Людмила Бирюк и Игорь Ясинский отметили многие достоинства повести. Ведущая встречи председатель общественного совета при КРО СП России Н. А. Стрижова рассказала о боевой биографии автора, подарила ему картину художника Г. Булгакова.

Внимание: конкурс!

Правление Краснодарского регионального отделения Союза писателей России объявляет о проведении литературного конкурса, посвященного 65-летию краевой писательской организации. Номинации: «Проза», «Поэзия», «Публицистика и краеведение». Принимаются рукописи рассказов, стихов, очерков, ранее не опубликованных. Объем прозаических произведений не должен превышать авторский лист (40 000 знаков с пробелами), подборки стихов: не менее 10 и не более 20 стихотворений.

Ждем ваши работы на e-mail: snmakarova@mail.ru, или присылайте по адресу: 350065, Краснодар, ул. Парусная, 20/3, с пометкой «На конкурс». (Просим заказных и ценных писем не отправлять)

Итоги конкурса будут подведены в ноябре этого года. Победители конкурса получают дипломы и ценные призы.

Подведены итоги конкурса «Знаете ли вы русский язык?»

В ноябрьском номере «Кубанский писатель» были помещены присланные Анатолием Ильяховым 50 слов, которые широко использовались на Руси до начала XX века. Ни один из участников конкурса не ответил на все вопросы правильно, поэтому первое место не присуждается. Комиссия отобрала трех участников с максимальным количеством правильных ответов.

Второе место в конкурсе присуждается Олегу Соколову. В отличие от остальных претендентов он сделал ошибку только один раз. Более того, он обнаружил, что в газете были помещены лишь 47 слов, вместо обещанных 50, по техническим причинам. Олег Соколов не поленился заглянуть на сайт газеты, где обнаружил недостающие слова: ЕРА; СУЛЕЯ; ШАЛЬ; и дал правильные ответы: забулдыга; баклага; блажь. Ему присуждена премия – 2000 рублей.

Поощрительные премии за упорство и любознательность в сумме 500 рублей присуждены Наталье Денисенко и Елене Черник.

Правильные ответы размещены на сайте www.sprosia.narod.ru

СОБЫТИЕ

Высшая награда Академии наук России

А. А. Хагуров ответил на вопросы корреспондента «КП».

Корр.: Айтеш Аюбович, кому досталась золотая медаль?

Хагуров: Золотая медаль досталась Петериму Сорокину, выдающемуся российско-американскому социологу XX века, во многом определившему развитие мировой социологии. Поэтому другим социологам за их достижения вручают серебряную медаль. Так мудро, на мой взгляд, рассуждали в Академии наук России, когда утверждали эту медаль.

Корр.: Какие именно

ваши научные труды заслужили такую высшую награду?

Хагуров: В дипломе, прилагаемом к медали, конкретно не называются труды ученых. В нем указывается: «За вклад в науку». Но комитет, принимающий решение о награждении, и научная общественность знают, кому и за что дается эта награда.

Корр.: Могли бы вы назвать эти свои достижения?

Хагуров: Конечно, могу. За последние годы результаты моих исследований опубликованы в трех монографиях: в коллективной монографии под моим научным руководством «Человеческий капитал современного российского села»; книге «Русский хутор: опыт этносоциологического исследования» и «Социология российского села». Ведущие академические журналы «Социологические исследования» и «Этнографическое обозрение» дали в рецензиях всем этим работам высокую оценку, что и явилось основанием для награждения.

Корр.: Какие ныне в на-

шей социологии установки?

Хагуров: Сейчас они в основном прозападные. Дело в том, что когда в 60-х годах создавалась социология, она могла тогда возродиться у нас в ее западно-европейском варианте. В противном случае ее растворил бы в себе исторический материализм. Но беда в том, что свою влюбленность в Запад наша социология хранит до сих пор.

Корр.: Но ведь наука – везде наука. Нет же только европейской математики и физики – они везде одни и те же.

Хагуров: Правильно, потому что природа у нас одна. Но общества разные и науки у них не могут быть идентичны во всем. Социология Голландии не может повторить социологию Эфиопии, социология России – социологию США. А что мы видим? В США есть средний класс, и есть его социологическая теория; есть элита – есть элитология. По аналогии у нас создают теорию среднего класса, элитологию и т. д. Но фактически у нас среднестатистическим, т. е. самым рас-

пространенным и фактически средним является бедный человек, а социологии бедного класса нет.

Другой вопрос – об элите. Какая у нас элита? Я бы назвал соответствующий раздел отечественной социологии «коррупциологией» или, по аналогии с медицинской дисциплиной, «социальной паразитологией». Короче говоря, следуя совету мудрого Конфуция, надо начать с «исправления имен», т. е. надо называть вещи своими именами. «Имена», т. е. понятия, полностью заимствованные у западной социологии, искажают картину нашей российской социальной реальности и порою дурачат нас. Конечно, должны быть и общесоциологические категории, и об этом надо говорить отдельно. Мы же с вами говорили о том, какой должна быть специфика российской социологии.

Корр.: Как связаны ваши научные работы с литературной деятельностью?

Хагуров: Для меня эти виды деятельности – две руки моего социального бытия.

Простота спасет мир

В Москве прошел IV Международный конкурс поэзии хайку (ранее он назывался Всероссийский конкурс хайку), организованный редакцией альманаха «Хайкумена» и отделом японской культуры «Japan Foundation» во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы. Церемония награждения победителей состоялась 10 декабря в рамках фестиваля «Японская осень – 2011» в Овальном зале ВГБИЛ им. М. И. Рудомино.

В числе призеров оказались два кубанца – Иван Кротов (г. Гулькевичи) и Николай Гранкин (г. Краснодар).

На днях в Краснодаре прошла встреча с ними. Беседу вел писатель Иван Карасев.

Иван Карасев (корреспондент): Давайте поговорим о том, что состоялся конкурс в Москве. Вы в первый раз принимаете участие в таком конкурсе?

Гранкин: Да, в первый раз. Я вообще случайный человек на этом поприще.

Корр.: Давно пишете хайку?

Гранкин: Где-то с год.

Корр.: А как узнали про этот конкурс?

Гранкин: Через Интернет. Давно интересовался в Сети всем, что связано с этим поэтическим направлением, и

случайно наткнулся на объявление. Послал свои работы. В Москву я не ездил. Диплом прислали по почте.

Корр.: С чего началось ваше знакомство с направлением хайдзин? Все ж таки японская культура весьма специфична.

Гранкин: Мне всегда нравилось, когда мало слов. Когда такая вот микролитература. Опять-таки совсем случайно попался сборник классика Мацуо Басе. Я прочитал на одном дыхании и очень заинтересовался. Несколько лет проходил в ранге просто читателя. Потом в Интернете нашел сообщество единомышленников, людей, которые пишут хайку. Так постепенно пришел к московскому конкурсу.

Корр.: Помните самое первое хайку, которое вас поразило и запало в душу?

Гранкин: Мацуо Басе, конечно же! «На белой ветке Ворон сидит одиноко Осенний вечер». Хайку – это своего рода диалог. Если европейская поэзия по сути своей несколько нарцисстична, человек выражает себя посредством некоего внутреннего монолога, то хайку – это всегда воображаемый диалог. Должен быть отклик. Взять того же Басе. На первый взгляд ничего такого там нет.

Слова, простая картинка, но почему-то находит проникновенный отклик.

Корр.: Волшебство простоты?

Гранкин: Да, точно.

Иван Кротов: Простой набросок штриховой.

Гранкин: Говорят, в хайку самое главное – это не сами слова, а паузы между ними.

Корр.: Есть норвежская поговорка: «земля разъединяет, а море соединяет»... Можно ее перефразировать: «Слова разъединяют, а паузы соединяют».

Гранкин: Да, в паузах основная сложность хайку. Особенно для человека, который воспитан на западной культуре, где главное – «слова, слова, слова...» Некие самодовлеющие объемы написанного. А здесь пустота и простота на первом месте. Это очень сложно – столь малым набором слов выразить главное.

Корр.: Ну, а какие у вас планы после столь успешного выступления на конкурсе?

Гранкин: План один – писать хайку! Конкурс – это, конечно, хорошо, но победа в нем таит опасность. Можно успокоится на достигнутом и приостановить творчество...

(Продолжение на стр. 2)

Рифма, идущая прямо от Бога

В издательстве «Советская Кубань» при содействии департамента культуры Краснодарского края вышла книга избранной лирики замечательного кубанского поэта Вадима Неподоба.

Событие это представляется мне важным, и даже радостным, возрождающим тающий общественный оптимизм, ибо нельзя, неправильно, чтобы ушедший поэт оставался в нашем «сегодня» только в воспоминаниях друзей и страницах старых, прижизненных изданий. Потому что в душе каждого, наверное, поэта пульсирует это лермонтовское:

*«Боюсь не смерти я, о нет,
Боюсь исчезнуть совершенно...»*

Это важно для нас, современников Вадима Неподоба, и для совсем молодых читателей поэзии, а также юных поэтов, только ступающих на тернистые тропинки творчества. Эта книга как бы говорит всем нам, что никто не забыт, что «не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление».

Сам факт издания этой книги делает честь департаменту культуры края, составителям и редакторам сборника.

Новые поколения читателей смогут увидеть лучше, рельефнее творческий и жизненный путь поэта еще и благодаря очерку жизни и творчества, написанному хорошим знакомцем и, наверное, другом поэта В. К. Чумаченко, в котором описываются их личные встречи, вехи жизни и этапы творчества Вадима Неподоба. Конечно, читатель должен принимать во внимание некоторую предвзятость и пожалуй даже тенденциозность автора очерка, на которую он, впрочем, как и всякий автор, имеет право. В конце концов, у каждого свой угол зрения и свои воспоминания.

Помню, на последнем при жизни Вадима Неподоба семинаре начинающих авторов он как-то особенно часто обращался к поэзии Николая Рубцова, ставя его в пример молодым как образец русской поэзии. Уважаемый Виктор Чумаченко отчего-то великого поэта, а заодно с ним и многих замечательных поэтов России награждает почти презрительным эпитетом «тихие», а увлечение Вадима этими поэтами называет «болезнью». Скорее всего, автор очерка не имел в виду ничего плохого, но эти выражения могут быть неверно поняты молодыми читателями, только начинающими счастливое знакомство с поэзией Вадима Неподоба. И все-таки не это важно. Главное – поэзия.

По большому счету биография поэта – это не бытовая история жизни человека. Не цепь событий, представляющих ряд, вроде: родился – учился – работал – женился – развелся – спился – лечился – писал – написал то-то и то-то – скончался. Это не перечисление деяний, не повесть о том, за кем ухаживал, с кем ссорился, кому помогал, кому изменял (и с кем), и т.д. и т.п.

На долю странного, человекоподобного существа, одарованного недугом поэтического словотворчества, приходится за всю его жизнь не так много времени (от нескольких минут до нескольких десятков часов), когда он – Поэт, когда он истинно Счастлив, озаренный охватившим его Небесным Светом. И тогда он, ретранслируя космическое Прекрасное в окружающий мир, неподвластен мирскому суду и непостижим для окружающих, даже самых близких ему людей. А инструмент, струны

которого терзает, истязает всеисильный исполнитель небесных гармоний – его душа.

Поэтому биография поэта – это история потрясений и прозрений, невидимых окружающим, это приступы сомнений, муки, приносимые чужими страданиями, удушающие незримые слезы, волны восторгов любви к прекрасным творениям, божеским и человеческим... Это история его души. Только в стихах поэта различима ажурно-сложная душа его, пугливо прячущаяся в мирской жизни от чужих грубых рук под многочисленными, порой невыразительными, а порой и неприглядными масками. И только эта биография истинна.

И тогда понятен и близок он всякому, имеющему душу, способную любить и страдать. И тогда ближе и яснее становится его нелегкое счастье:

*Но, Господи, я до сих пор благодарен
За то, что погибнуть душой не успел!
За то, что звенит под ногами дорога,*

*И чувствует ум, и надеется глаз,
И рифма, идущая прямо от Бога,
С дорожкой этой навеки сплелась!*
(«Признание»)

И тогда закипает в душе нашей в унисон с душой поэта щемящая боль обиды за поруганный народ, за униженную страну, за оскорбленное славное прошлое:

*Свобода в этом мире одного
На несвободе жидется другого...*
(«Элегия»)

*...Преломляясь, играют года
Той высокой отчаянной жизни...
Вам такой не видать никогда...
...Нет, не жаль мне, что я умираю,
Жаль, что время свое пережил...*
(«Умирающий ветеран»)

О поэте судят по лучшим его стихам, по тем, где обнажилась его душа, зазвучало само его сердце. Лучшие стихи Вадима Неподоба раскрывают нам лицо истинно русского, честного и бескомпромиссного мастера слова, показывают душу глубокую, любящую и сострадающую, душу замечательного человека и поэта.

И низкий поклон всем, причастным к изданию этого сборника – друзьям поэта Петру Макаренко и Виктору Чумаченко, работникам департамента культуры края, художнику С. В. Таранику, работникам издательства и типографии.

И, конечно же, особая благодарность спутнице жизни поэта Елене Николаевне Неподоба, которая и собирала стихи для сборника, и прилагала все силы к изданию этой книги. Одному Богу ведомо, чего это ей стоило в наше, не склонное к альтруизму время.

И вечная память замечательному поэту и моему другу.

*И идут со мной по жизни его слова:
И жизнь сквозь лихие напасти
Вдруг высветит, словно сквозь дым,
Не то чтобы прежнее счастье –
Твое соучастие с ним...*
(«Одно неприметное счастье»)

Вячеслав Диника

Вадим Неподоба

Оправдаюсь ли мечтой...

Может быть, никогда
Эта жизнь не покажет
То, что юность сулила...
Не станет чудес.
Может, на душу

камнем
Со временем ляжет
Тайный шорох листы,
Легкий выдох небес...

И – померкнет звезда!
Это может случиться.
Не спеши
Останавливать сердце во зле.
Все пройдет,
Перемелется все
И простится
За одно только чудо –
Родиться на этой земле.

Тихое, ясное утро.
Плавное движение вод.
В каждой травиночке
Мудро
Вечное солнце живет.

В шорохе,
В свисте
И в плеске,
Птицей на солнце кружа,
Вспыхнет открыто, по-детски
Древнего мира душа...

Дивные майские сроки!
Я вас любил, да не так:
Выпорхнет вдруг у дороги
Алая бабочка – мак –

Я догонял его в поле,
Нынче иду не спеша...
То ли состарился, то ли
Стала добрее душа.

И в ярости, оттуда,
Где жжется синева,
Осенняя ошудра –
Поблеклая трава.

Такой печальный холод,
Так ярко грустен клен!..
А в сердце жизни голод
Еще не утолен.

Памяти отца

Пройду пустым и хрустким лесом
Всего не более версты.
Там, за сверкающим железом,
Дороги –
Звезды и кресты.

Там, за версту всего от дома,
Твоя железная звезда...
Нет слов из всех, что мне знакомы,
Печальной слова «никогда».

И нет сильней, чем это слово,
Как бездна вечности, как рок.
Но мы приходим снова, снова
На твой печальный бугорок.

Как будто бы любовью братней,
Сыновней или чьей-нибудь
Придумать можно твой обратный
От той звезды до хаты – путь...

Словно прибавилось воздуха,
Неба над степью – до слез.
В старой корзине подсолнуха
Зерна искристые рос.

То не костер разгораемый –
Пашня на солнце парит.
А за глухими сараями
С речкой ручей говорит.

Там, где обрывы тенистые,
Солнечным бликам родня –
Вербные дети пушистые
Разом увидят меня.

Грустно-щемящее явится
Светлое чувство одно.
В мире, где все повторяется,
Не повторится оно.

Разве у выхода смертного,
Чтобы не гневался дух,
Утра на родине вербного
Явится солнечный круг.

Памяти брата

Домой! – во что бы то ни стало!
Дорога в дом всегда близка.
Земля внезапно заблестала
И раскололась у виска.

И на мгновенье над тобою,
Как бы охваченный огнем,
Слезой последнею, слепую
Скатился в пропасть отчий дом...

Хорошо на белом свете!
Пахнет ветром ширь и высь.
В голубом, зеленом цвете
Мысли всей земли слились.

Только скошенное поле
Ослепляет, как гроза...
Словно я экзамен в школе
Должен сдать – закрыл глаза.

Что скажу я, что отвечу,
Оправдаюсь ли мечтой,
Краткой жизнью человеческой
Перед нивой золотой?!

Запламенели листья в октябре,
Светлей и выше сразу стали кроны.
И птиц полет, медлительный и ровный,
Закатной поклоняется заре.

Легит дорога сваленным крестом,
Все холоднее поздние рассветы...
А юность листья собрала в букеты,
И звонче смех в пространстве расписном.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ГОРСКОГО

Было нам не тесно в этом мире.
По утрам бутылками звеня,
Жил я был у друга на квартире,
Ты с наждачным кашлем – у меня.
А еще к нам гости приходили
В час, когда все улицы тихи.
Громко говорили, тихо пили,
Вырывали из груди стихи.
Голоса в такой поток сливались,
Что в ночи с чужим теплом внутри
Удивленно окна зажигались,
А потом не гасли до зари.
Помню холод, грязь слободки серой,
Жесткий свист в слепой бандитской мгле.
Чем мы жили? Только хрупкой верой
В неслучайность нашу на земле.
Свыше голос чудился нам в шуме
Городов. Мы верили ему.
Но под тридцать вдруг благоразумье
Стало щелкать нас по одному.
Тот сбегал, тот стал во всем умерен,
А другой прикинулся шутом.
Ты один себе остался верен,
Вовсе и не думая о том.
Ты. Совсем один.
С наждачным кашлем.
В юности остался. На ветрах.
Ей отдал всю кровь свою по каплям,
Никаких не взял за это благ.
Жил всегда в такой неясной дали,
Был таким теплым всегда согрет,
Что друзья проститься опоздали,
Когда ты покинул этот свет.

Перышки чистит весна,
Дни молодые окрепли.
Меж колеями, на гребле,
Первая травка видна.

Чисто в лесной полосе –
Хворост несут костровые.
Почки как будто живые,
Вишни подбелены все.

Мажет до вечера мать
Глиною старую хату.
Трудно ей, трудно к закату
Грузный замес поднимать.

Сердце сожмется в груди,
Вздоргнет, да только напрасно:
Бури зимы – позади,
В мире спокойно и ясно.

Свежей известки лазурь
Черные пятна стирает –
Все хорошо. После бурь
Так лишь, наверно, бывает...

Одно неприметное счастье
Дано в этой жизни тебе:
Во всем ощутить соучастие
К своей столь обычной судьбе.

Давно ли под кипенью вишен,
Вдыхая чабрец и левкой,
Ты шел, и казалось, что слышен
Твой вздох на планете другой.

Стыдятся и нечаянной славы,
Ты думал, все в мире любя:
И люди, и звезды, и травы
С участием глядят на тебя.

И что ж, если вдруг отвернулось
Все разом.
Не веря судьбе,
Минувшая гордая юность
Поможет, однако, тебе.

И жизнь сквозь лихие напасти
Вдруг высветит, словно сквозь дым,
Не то чтобы прежнее счастье –
Твое соучастие с ним...

Священны небо, и земля,
И свет, увиденный впервые,
И на тропинке костыля
Уколы, будто штыковые.
Священны нищего сума,
Идущая из сердца прямо
Строк материнского письма
Разорванная кардиограмма.
Священны духа маета,
Его провалы, воскресение,
И доброта, и доброта –
Моя беда, мое спасение!

УМИРАЮЩИЙ ВЕТЕРАН

А казалось, что память бессмертна.
Вновь сирена о прошлом ревет.
Жизнь, как пуля, вошла незаметно,
А на вылете ключьями рвет.

Было сердце – голодная прорва,
Мир глотало летящий, сквозной,
А теперь, словно узкая прорубь,
От запекшейся жизни черно.

Но взглядишь в его темень.
Как в призме,
Преломляясь, играют года
Той высокой отчаянной жизни...
Вам такой не видать никогда.

В ней, как в сказке, горел не сгорая,
Думал – свят.
Оказалось – грешил...
Нет, не жаль мне, что я умираю,
Жаль, что время свое пережил.

ПРИЗНАНИЕ

А жизнь –
Не секрет это вовсе –
Мгновение,
Как камень, летящее быстро во тьму.
Жена не придет,
Но придет вдохновение,
И будь благодарен, как ей ты,
Ему!

Я вырос в такие жестокие годы –
Сейчас лишь из них прорастут семена!
И светлые воды, и темные воды
Несла на меня голубая волна.

Смотрел в мои очи
И Гитлер, и Сталин.
Дул в них и февраль,
И любимый апрель,
Но, Господи, я до сих пор благодарен
За то, что погибнуть душой не успел!

За то, что звенит под ногами дорога,
И чувствует ум, и надеется глаз,
И рифма, идущая прямо от Бога,
С дорогой этой навеки сплилась!

Владимир БЕРЯЗЕВ

Тмутаракань, Тументархан...
Цикл 1994-го, осень.

ТАМАНЬ

Тмутаракань, Тументархан,
А много раньше – Гермонасса...
Накрой, кунак мой, дастархан
На глади синего паласа.

Твой предок возлагал халву
На ворс ковров Бахчисарая.
А я татарин сны, слышу,
В роду татарина не зная.

Чингиса дух меж нами жив,
Но не скажу – кому он ближе.
За друга душу положив,
Мы оба пасынки Парижа.

Мы оба, щепоть чабреца
Бездумно растерев меж пальцев,
Впадаем в сон, где без конца –
Лишь песня воина-скитальца.

И здесь, на дальнем берегу,
Где много нас легло за правду,
Мы нынче общему врагу
Готовим общую награду.

Пусть в ножны вложены мечи,
Мечтает холм о граде прежнем.
...И чайка, ноги замочив,
Стоит на камешке прибрежном.

МОРСКОЙ ТРАМВАЙ ИЗ АЗИИ В ЕВРОПУ

Из России в Россию плывет катерок
Чрез пролив, что далече когда-то
По январскому льду князь ли Глеб
пересек?

ГОЛОСА РОССИИ

Тыща лет – только камень и дата.

В лето, Боже, какое-то – я, имярек,
Проплываю по старому курсу
На корме средь мешков, где небритый
абрек
Щурит глаз и грызет кукурузу.

Где болгарские перцы в корзинах
скрипят,
И старухи, что клушки-наседки,
Охраняют коляски: там, вместо внучат,
Гроздьба – только что снятые с ветки,

Там пушистого персика розовый ворс,
И арбузы в пижамах курортных.
Ветер торга и табора на борт занес
Разнокрашенный говор народный.

Говорят, что нас встретит чужая страна,
Здесь Тамань, а за морем – таможня.
Говорят, что очнулся от сна Сатана,
Невозможное – снова возможно.

Я плыву и не знаю: зачем так давно
Нам назначено странствие это...
Просто-напросто, просто – дурное кино,
Закольцована старая лента.

Просто-напросто, просто... Но просто
ли то?
Нет, не просто, не пусто, не глухо.
Греку даст сигарету красавец-бато.
К туркам сядет хохлушка-старуха...

Из России в Россию... А море шумит,
Катер борется с ветром наверно!
И не кончен ресурс. И не выбран лимит.
И жива наша вечная вера.

И всеобщего счастья золотые ключи
Не потеряны в бешеной сече.
...Тыщу лет уж стоит на пороге Керчи
Русский храм Иоанна Предтечи!

17 августа 1994

Тигроподобные осы роем вьются над
горой тучного золото-лилового вино-
града.

Спрашиваю у уличной торговки: «По-
чему этих зверей не отпугиваете?
К вам покупатель близко не подой-
дет».

«Подойдет! Если осы вьются, значит
виноград медовый. Сахарный».

Мессершмиты как осы поют над
дворцом Митридата,
И закатное золото гроздьями тклет
виноград,
Пыль Европы и Азии смешана
с кровью солдата:
Обелиски и кости на тысячи стадий
назад.

Понт Эвксинский кипит, жадно тыкаясь
в вымя Тавриды.
Над Таманским заливом упругая синяя
зыбь.

Арианский монах собирает у моря
акриды,
Да простудно кричит на лиманах
забытая выпь.

Что-то стронулось в мире. И время, как
старая кладка,
Рассыпается в пальцах – песчаник,
саман, известняк.

Лишь разбитый кувшин, лишь вина
золотая облатка,
И на синей глазури – лишь чайки
парящий зигзаг.

Над лучом маяка полыхают небес
аксамиты.
Мир навывлет сквозит – грохот гусениц,
топот подков.

Митридат упадает на меч...
И горят мессершмиты...
И суровый монах всех оплачет во веки
веков...

16 августа 1994

ЮБИЛЕЙ

Державы сын достойный

Владимир Александрович Юдин родился и вырос на Кубани. После окончания университета переехал в Тверь, где стал профессором, доктором филологических наук и прочая, прочая, много заслуженных званий у него. Но сегодня хочется поговорить о нем как о литературном критике. Его критические статьи публикуются как в толстых столичных и региональных журналах, так и в газетах всех уровней. Но что его выгодно отличает от других критиков, так это то, что он пишет не только о знаменитых авторах, но и писателях из глубинки. Он изучает современную литературу провинции, и «озвучивает» таланты. Это очень трудное и бесперспективное (в смысле денежном и приобретении известности) дело, но это подвиг во имя русской литературы, во имя России, поскольку ныне писатели из глубинки брошены на произвол судьбы, на умолчание, на безвестность. Властвует голый расчет: а что мне это даст – деньги, славу? Ни того, ни другого бедные писатели провинции дать не могут. Так зачем стараться! И пишут критики о именитых писателях, и расхваливают одни и те же фигуры, и хоть эти фигуры уже двадцать лет ничего художественного не пишут, однако известны, и мусолят одну и ту же надоевшую всем тему «Кому на Руси жить хорошо?», и забывают страницы солидных изданий.

Недавно вышла книга Владимира Юдина «Родина – всему начало». И здесь он верен себе. Он разбирает творчество русских писателей, незаслуженно замалчиваемых ныне, не в

чести у нынешних властей и литературной верхушки. В книге раскрыты образы выдающихся мастеров слова Ю. Бондарева, Анат. Иванова, В. Пикуля, а также зарубежной эмигрантской литературы И. Шмелева, Г. Климова, П. Краснова, Р. Гуля, В. Максимова. Тут же он оценивает творчество писателей-современников из разных районов страны: Краснодар, Ярославля, Твери, Воронежа... Автор исследует творчество писателей без вычурных умствований и философских «шарад», пишет просто, доходчиво, убедительно. Во всех статьях у него сквозит боль за русскую литературу, желание отразить жестокую атаку на нее со стороны СМИ, телевидения, либеральных кругов, и несть им числа. Это даже не атака, а целая война, хорошо спланированная, организованная, отлично финансируемая. Открыты все кингстоны, чтоб утопить гордый корабль под названием русская литература. И хлынула мутная волна, все эти модернистские течения, по сути творения Элочки Любоедки, в трюмы, и осел, отяжелел корабль, потерял ход. А тут еще возможность печататься всем кто ни захочет, и что ни захочет: мат, секс, кровавые оргии – все можно, только денежки плати. И поплыл этот хлам по России, и заполнил он книжные полки магазинов и библиотек, залил отечественное литературное поле так, что только верхушки томов классики торчат, да и те скоро скроются в этом зловонном потоке. «И не случайно, –

пишет Владимир Юдин, – физически и нравственно сник народ, отлученный от своих национальных духовных источников, с ужасающей скоростью падает в бездну Россия, ставшая объектом зловещих экспериментов». Но как незыблемые скалы стоят великие художники отечественной литературы, и их не потопить, не уничтожить, они и из мутной воды современных опусов будут излучать людям свет добра, мужества, силу могучего русского слова, звать на борьбу со злом. Их герои чисты, бескомпромиссны, не прячутся по углам, когда Родина в беде, они мужественно кладут свои головы на алтарь Отчизны. Здесь автор уместно приводит слова Юрия Бондарева: «Мои герои борются и любят, любят и гибнут, недолюбив, недожив, многого не узнав. Но они узнали самое главное – прошли проверку на человечность через испытание огнем».

Отдельная глава в книге посвящена исторической прозе. Автор детально исследует современный процесс в этом жанре, отмечает его тяжелую судьбу вследствие рыночной экономики, разрушительных антироссийских спекуляций в мировом масштабе. «Писателю, а тем более историческому писателю приходится работать больше, чем человеку любой другой профессии. Его книги – плоды огромного, невероятного труда. Сколько раздумий, поисков, черновой работы! Чисто материальный итог усилий невелик: мизерные тиражи, копееч-

ные гонорары или полное отсутствие таковых – труд уборщицы в банке оплачивается куда как щедрее. Авторы исторической прозы намеренно, осознанно выбирают занятие историей малой родины в ущерб возможной славе всероссийской, может быть, в противовес известности-однодневки, скандальной популярности, – говорит автор и тут же добавляет: – Несмотря на все испытания, русский исторический роман в классическом его виде выжил, продолжился, развивается».

Владимир Юдин не только разбирает творчество писателей, но дает целый биографический пласт их жизни, проецирует их произведения на современные реалии. В книге много познавательного, неизвестных читателю фактов, событий истории. Все это изложено чистым литературным языком, и читается, как увлекательный роман, легко и заинтересованно.

Л. Ф. Южанинов,
член Союза писателей России
г. Россошь, Воронежская область

ЗА ГУЛОМ ВРЕМЕНИ

Заметки восторженного читателя
о книге Николая Дорошенко «Повести»

Для меня имя писателя Николая Дорошенко долгое время было олицетворением не столько русской литературы самой, сколько борьбы за ее существование вообще. Я читал в периодических изданиях его статьи, постепенно привыкая к бойцовской сути их. И привык бы, наверное, представлять писателя таким Георгием Победоносцем, вонзающим свое писательское копье в змея, под шкурой которого таилась вся выползшая в постперестроечное время нечисть, но из-под пера его стали выходить статьи с все усиливающимся философским уклоном, статьи глубокие и все более полемические. Он для меня стал необходим не тем, что был редактором газеты «Российский писатель», в которой и я, грешный, когда-то публиковал свои стихи, а своими вдумчивыми размышлениями, настолько глубокими и далеко выходящими за рамки чисто писательских проблем, что было уже ясно: это общественный деятель общероссийского масштаба. И единомышленник, от которого не укроются никакие проблемы русской провинции, как будто ему сверху все видно, и он слышит глухие стоны и проклятия в адрес власть придержащих, идущие из самых отдаленных уголков бывшего Союза ССР. Такое мнение о писателе сложилось еще и потому, что я был далек от любых литературных тусовок, группировок, фронтов и тому подобных объединений, живя за тысячи километров от столицы, не будучи выпускником Литературного института, никогда не побывав ни на одном общероссийском писательском форуме или хотя бы семинаре молодых литераторов (если не считать таковым Всесоюзное совещание молодых армейских и флотских литераторов, проведенное в Ялте в 1991 году, когда дом творчества писателей еще не был уведен из владения СПР). И никогда ничего из художественных произведений Николая Дорошенко я не читал до той поры, когда в журнале «Молодая гвардия» появилась его повесть «Запретный художник».

Для меня эта повесть явилась открытием, если не сказать, что потрясением. И не потому, что события, о которых повествовал Николай Дорошенко, были какой-то редкостью, а потому, что об этом было написано с таким пониманием сути явлений, с такой глубиной и такой любовью к героям повести, что и мне было просто невозможно не полюбить главного героя повести художника Дмитрия Шадрина, а следом и его многострадальную жену Дашу. Повесть дышала правдой. Если я читал те страницы ее, где решалась семейная проблема: в чем же пойти художнику Дмитрию Шадрину на встречу с олигархом в надежде получить заказ, а стало быть – поправить свое материальное положение, если старые туфли вот-вот развалятся, а на новые денег нет, то в памяти всплывало одно из первых в моей жизни писательских собраний в Краснодаре, на которое пришел и Виктор Лихоносов. Проходило оно, если память не изменяет, зимой 1992 года. На Викторе Ивановиче, живом классике русской литературы, были зимние сапоги, через трещины которых выглядывали носки, а молнии на них не закрывались. Такие картины не забываются долго. Наверно, и сам Виктор Иванович вряд ли уже этот грустный факт вспомнит. А для меня, только что принятого кубанцами в свои писательские ряды, прочитавшего все, что на ту пору было написано Виктором Лихоносовым, и считавшего его самым близким мне по душевным переживаниям и устремлениям писателем и одним из лучших современных писателей России, увидеть его в таком одеянии было настоящим потрясением. Так что, читая повесть Николая Дорошенко «Запретный художник», я находил многие и многие параллели и с провинциальной писательской жизнью. Но повесть, какие бы грустные ассоциации ни рождала в памяти, давала надежду на конечность безвременья, на то, что рано или поздно и олигархи устанут от «черного квадрата», именем которого можно назвать всю антикультуру, воцарившуюся с приходом младореформаторов, что рано или поздно найдутся люди, которые меценатство будут считать не геройством, а простой необходимостью или долгом перед Отечеством. Да мало ли светлых чувств я

испытал, читая эту повесть! Я, человек, пишущий стихи, читающий стихи и живущий поэзией многие годы, не сразу заметил, что читаю с таким интересом повесть еще и потому, что она насквозь поэтична. Объяснить это трудно, а порой и невозможно, как почти невозможно объяснить, почему стихи имярек – лишь стихи, то есть рифмованная проза, а стихи другого автора – поэзия, ибо Поэзия нематериальна, она из высших сфер, она духовная составляющая произведения. И чем сильнее дух автора, чем больше души вложил он в свое творение, тем и поэзия в нем будет осязаемой. Такое можно наблюдать или, точнее, ощущать при посещении художественных выставок. Мимо одних картин люди проходят, лишь скользнув взглядом по полотну, а возле других стоят часами не в силах оторвать взгляд. Как главной героиней повести Николая Дорошенко художник Дмитрий Шадрин относится к тому небольшому отряду творцов, у чьих работ можно стоять часами, так и сам писатель Николай Дорошенко относится к тому литературному воинству, произведения которого пропитаны тонкой материей духовности, от которой читатель будет окормляться, пополняя оскудевшие запасы своего духа. И будет возвращаться к его произведениям раз за разом, как это делаю я. И получив в дар от самого автора его книгу «Повести», стал читать, увидев среди других повестей и полюбившую мне повесть «Запретный художник». И вновь был очарован гармонией слов, и вновь сопереживал Дмитрию Шадрину и его жене Даше, и поставил, для себя, прозаика Николая Дорошенко в один ряд с Василием Беловым, Виктором Лихоносовым, Валентином Распутиным, прекрасно понимая, что меня за это могут обругать.

Автору так удаются портреты героев, что, читая повесть, ты ощущаешь себя не в месте своего пребывания, а рядом с героями, как будто это не автор повести проследивает их жизнь, а ты сам, став одним целым с автором. И если уж Николай Дорошенко смотрит глазами героев повести на какую-либо из картин художника Дмитрия Шадрина, то и ты ясно представляешь эту работу художника, и даже чувствуешь запах сирени, когда речь заходит о его натюрморте, и воображаешь Князя Игоря живым, и представляешь все детали мастерской художника, и, читая те строки или страницы повести, где автор описывает поступки олигарха Францова, где дает точными мазками его портрет, чувствуешь не просто реальное высокомерие и почти реальное присутствие этого персонажа рядом, да так осязаемо, что протяни руку – и можешь потрогать его, если позволят это сделать телохранители, но всем нутром чувствуешь его враждебность к тебе самому и всему светлому и высокому, к чему ты всю жизнь стремился и что пытался отстаивать в своих лучших творениях. Это высокое мастерство. И прочитав повторно повесть «Запретный художник», я неожиданно для себя подумал, что она является как бы продолжением романа Василия Белова «Все впереди», а вернее – проблемы, поднятые автором повести, вдруг высветили те опасения и

ставшие реальностью символы, которые были явлены Василием Беловым в романе «Все впереди». К сожалению, мало кто понял и принял тогдашние опасения классика русской советской литературы, сведя их к пресловутому национальному вопросу. И мне два эти произведения представлялись вдруг в виде разведенного моста, для соединения половин которого недостает лишь хорошего критика, сумевшего бы запустить механизм. Сам я, к сожалению, критиком не являюсь и заметки эти пишу всего лишь как очарованный мастерством Николая Дорошенко читатель. И совсем не исключаю того, что кто-то посчитает их неправомерными, поскольку я не только двух половин моста не могу соединить, хотя бы и в виде двух книг наших современников, но и двух слов связать не умею.

И всякий раз, когда заканчивал я читать повесть «Запретный художник», у меня появлялось чувство огорчения от того, что повесть, хотя и благополучно для ее героев, закончилась. Хотелось с ними побыть еще, хотелось продолжения повествования истории их жизни, хотя и понимал я, что этого требует жанр.

Еще больше меня поразила повесть Николая Дорошенко «Выстрел», хотя к ее прочтению я был уже подготовлен. И совсем не потому, что она о любви светлой и настоящей, которую и двадцать и тридцать лет назад встретить было не так уж и просто, а потому, что написана она была в наши дни, когда само понятие «любовь» стало постепенно выдвигаться из реальной жизни с такой стремительностью, с какой борются с инфекцией, чтобы она, не дай Бог, не распространилась. Да и героями этой повести стали поэт Вячеслав Шевцов и его жена Надя, искусствовед по образованию. Нынче ведь все чаще героями становятся бандиты или люди, близкие им по духу, а вернее – по бездуховности. И в короткой повести Николай Дорошенко провел эту пару по жизни от момента зарождения их необычной любви до тех дней, когда у них появились внуки. И так это живо написано, и такие трепетные отношения двух любящих друг друга людей показал автор, когда во круг не только жизнь изменилась, не только мы сами изменились, не только ценности стали другими, но само понятие «любовь» все настойчивее загоняется в подполье, что душа, уставшая за последние двадцать с лишним лет от потоков грязи и вседозволенности, от теле-шоу, мало отличающегося от свального греха, от пропагандируемого на любой вкус насилия не только с экранов телевидения, но и с обложек книг, издаваемых огромными тиражами, о которых истинные художники слова и помыслить нынче не могут (кстати, тираж книги Н. Дорошенко, о которой я веду речь, всего лишь тысяча экземпляров), вдруг заняла от радости и засияла от света, исходящего и из глаз влюбленных героев, и из глаз радующихся за них друзей и соседей, и со страниц книги. И сюжет вроде бы немудреный, и условия, в которые поставлены герои повести, знакомы не по-наслышке, а познаны во многих своих проявлениях на собственной шкуре. Притягивает другое. Герои повести, как бы

ни сложна была жизнь, с какой бы ницетой ни столкнулись, сколько бы поводов для того, чтобы разбежаться в разные стороны, ни было, смогли сохранить и любовь, и уважение друг к другу. А помогла им это сделать обоюдная жертвенность. А что, если не жертвенность, и есть любовь? Не знаю уж, правильно ли сделал Николай Дорошенко как художник слова, когда поселил на страницы повести не вымышленные персонажи, а реальных людей, окружавших в реальной жизни его героев. Здесь и прозаик Михаил Попов, и поэт Виктор Верстаков, и Петр Паламарчук, имена которых не только человеку пишущему, но и обычному читателю известны.

А мне и вовсе было интересно увидеть на страницах текста имена известных современников. И вспомнился мой поход в молодые годы в здание, расположенное в Москве по адресу: улица Новодмитриевская, 5а, когда я в поисках редакции журнала «Студенческий меридиан» открыл дверь редакции журнала «Литературная учеба», чтобы уточнить местоположение нужной мне редакции, и молодой здоровенный бородатый мужик мне помог не заблудиться. Это и был Михаил Попов. И П. Паламарчука я читал, и стихами Виктора Верстакова я восхищался неоднократно, да и лично с ним знаком. И многое помнится из его непростой биографии и сложной столичной жизни, сведения о которой иногда просачивались мелкими каплями из различных источников. Одно ясно, что и главный герой повести Вячеслав Шевцов, всего скорей, имеет своего реального прототипа, хотя мне так и не удалось его разгадать. И если бы Николай Дорошенко не поставил своих героев в те условия, когда надо было каждому делать выбор, когда оба из них сделали выбор в пользу жертвенности во имя другого, мне все равно были бы близки главные герои этой повести. И не только потому, что повесть написана мастерски, и прочел я ее, как прекрасное поэтическое творение, но и потому хотя бы, что и рядом со мною живет такой же человек, который уже три десятилетия жертвует многим ради меня, ради моих творческих интересов с одной лишь разницей, что не всегда получает взамен ту же жертвенность. Да и не удивительно – мы ведь и с Николаем Дорошенко, и с его героями повести относимся к одному поколению. Все мы родились в пятидесятые годы прошлого столетия, а стало быть у нас общего в жизни больше даже, чем мы предполагаем, и оно проглядывает во всем. Вот и в повести «Выстрел» то и дело обнаруживаются приметы лет, связанных с нашей юностью, с молодостью и зрелостью, за которой вот-вот уже появится и старость, о которой не хочется пока думать, но внуки главных героев повести, да и не только они, а и свои уже внуки, заставляют задуматься о бренности нашего бытия.

По-своему прекрасны написанные в разные годы повести Николая Дорошенко «Ушедшие», «Прохожий» и «Видения о Липенском луге», но я не стану в этих коротких заметках на них останавливаться, законно полагая, что о двух из них прекрасно написала Валентина Ефимовская, да и об остальных повестях Николая Дорошенко, наверняка, еще напишут замечательные критики и вдумчивые читатели. Не исключая и того, что когда-то и я еще вернусь к произведениям так восхитившего меня Николая Дорошенко, а пока что спешу поделиться тем очарованием, которое испытал при чтении книги, и о чем попытался сказать, боясь, что возвышенные чувства мои, как часто это происходит в жизни, будут рассеяны наскачившими разного рода проблемами. А может быть замучают обычные сомнения и терзания в правомерности моих мыслей и чувств. А может быть через какое-то время за гулом времени мне не удастся уже расслышать тихий шелест событий и лет, который удалось ухватить Николаю Дорошенко и уложить на листы обыкновенной бумаги, да так, чтобы и читатель мог погрузиться из дня сегодняшнего в описанное автором время без использования какой-либо машины времени. И вернуться обратно другим человеком.

Виталий СЕРКОВ,
член Союза писателей России
г. Сочи,

ДЕБЮТ

Игорь Васильев

Остался

Абдулла бродил по своему добротному большому дому. Веши путались под ногами. Стены и потолок тупо давили. Абдулла все чаще думал, что живет в могиле. И сам он – неупокоенный мертвец из старого склепа. Который не поднялся к престолу Аллаха и не провалился в ад. Потому что никому не нужен.

Сын увел дочерей, своих сестер, на джихад. Вслед за собой. И дочери погибли. Как и все, кто захватывал Театральный центр в Москве. А сын не стал шахидом. Как писал он в письме, Аллах благословил сестричек, а его наказал за самонадеянность. Сына скрутили, судили и приговорили к пожизненному заключению. Он все равно что мертв. Такой же призрак, как и отец. Да нет, сын не призрак. Он уповает на волю Аллаха и идет путем мусльмана, покорного Богу до конца. Так он пишет своему призраку-отцу.

Который не знает ни покорности, ни непокорства. Вообще ничего. Одно горе заблудшей души – призрака. Он никогда не отрицал Аллаха, но и не пытался к нему приблизиться. Абдулла не думал, кто награждает или наказывает его. Он просто жил. В ладу со старыми обычаями и законами государства. Он работал, неплохо зарабатывал и строил дом.

Потом у него была возможность спросить сына: «Зачем?». И сын ответил: «Ты сам подвел меня и сестер к этому. Ты воспитал нас в старинных обычаях. И они привели нас на путь джихада. Потому что настало его время. Аллах позвал нас на борьбу. Так что спасибо тебе, отец! Мы поняли главное из того, чему ты нас учил!»

Тогда Абдулла испытал огромное смятение. Он вдруг

понял, что то, что он считал незыблемым, непрочно, как весенний цветок или утренний туман. Но в отличие от цветов и тумана, оно не вернется. Незыблемым казался Советский Союз, порядок, достаток, традиции и привычки. Веселые детские лица, шашлыки и коньяк, новенькие «Жигули», официальная зарплата и левый доход. Прошлое с непрерывной войной, жгучей верой и страданием казалось забытым сном.

А сном оказался Советский Союз, покой и достаток. Будто Аллах гнал своих рабов ледяным бичом по узким тропинкам через высокие перевалы. Гнал, заставляя сражаться, грызться по-волчьи за каждую малость.

А потом позволил передохнуть на зеленой поляне с каруселью, едой и выпивкой. И люди отдыхали. Рожали на этой поляне детей, старились и умирали. И думали, что так будет всегда.

Но прошло мгновение пред очами Аллаха. И он снова взял свой ледяной бич. И люди пошли по узким тропин-

кам и высоким перевалам, вгрызаясь зубами друг другу в глотки.

И оказалось, что жизнь Абдуллы, его труды и надежды были кратким мигом, почти случайностью. Он думал, что его дети растут для жизни на поляне с каруселью. А им предстояло сражаться на узкой тропе. И они сами жаждали этого. Зеленая поляна казалась им уродливым черным наваждением. Которое, конечно же, развеялось в прах. Ибо Аллах велик и милосерден.

Он снова гонит своих рабов ледяным бичом по горным кручам. И верные рабы бегут, благословляя его имя.

Сила человеческого разума оказалась иллюзией. Стремление к счастью разрушило само счастье. И Абдулла воспитал своих детей для того, чтобы они умерли, не оставив потомства.

Цветущую поляну быстро вытоптали и загадили. Еду и питье забрали себе самые сильные и злые. Карусели распилили и продали на металлолом.

Абдулла стал никому не нужен. Он остался на продуваемой всеми ветрами скальной площадке. Которая раньше была цветущей поляной. Остался вместе со своим ненужным домом.

Его жена не хотела здесь жить. На продуваемой всеми ветрами скале и без детей. И она умерла.

Абдулле было все равно. Когда ему помогали деньгами соратники сына и дочерей, он не противился. Когда приезжало телевидение из Москвы и просило рассказать о своем горе, он не противился тоже.

А зачем?

МАСТЕРСКАЯ

Продолжение. Начало в № 1 2012 г.

Все гениальное просто.
Народная мудрость

Анна АХМАТОВА

В одном из своих стихотворений, написанных еще в далеком 1915 году А. Ахматова писала:

*Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу – зренью
Или актеру – голос и движенье,
А женщине прекрасной – красоту?
Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами –
Мы расточать, а не копить.
Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленья
И равнодушие толпы.*

Этого принципа правдивости, ясности изложения и простоты поэта сса придерживалась в течение всей своей жизни.

ФЕДОР СОЛОГУБ

Еще в начале прошлого века Корней Чуковский писал о стихах Ф. Сологуба: «С первым я познакомился очень давно. Еще мальчиком я увидел в журнале «Северный вестник» такие стихи, которые сразу запомнил на всю свою долгую жизнь:

*В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: Помоги!
Что я могу?
Сам я беден и мал,
Сам я смертельно устал.
Как помогу?*

*Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем.*

Меня поразила аскетическая простота этих строк. Ни одного эпитета, ни единой метафоры, никакого щегольства перезвонами, никакого красноречия, никаких патетических жестов, словесных украшений, нищенски бедный словарь – но в этом отсутствии всяких эффектов и заключался сильнейший эффект: чем безыскусственнее была форма этих внешне убогих стихов, тем вернее они доходили до сердца. Тем-то и поразили меня эти стихи: я понял, что для такой безыскусственности требуется большое искусство, что в этой предельной простоте – красота:

Генрих Ужегов

О ПРОСТОТЕ И ЯСНОСТИ
ИЗЛОЖЕНИЯ В ПОЭЗИИ

*Что я могу?..
Как помогу?*

И это в то время, когда чуть не вся молодая поэзия культивировала вычуры, вывихи и выверты речи, когда в литературе уже начинало царить пустозвонное краснобайство».

А. ТВАРДОВСКИЙ

В поэме «Василий Теркин» самые высокие темы раскрываются обычными, не «возвышенными» словами, не «поэтизмами». Причем простые, будничные слова не только не снижают пафоса, но придают стиху особую теплоту и естественность. В этом Твардовский сродни А. П. Чехову. Простота стиха Твардовского кажущаяся, она не примитивна, она умная и лукавая, позволяет естественно говорить об очень сложных явлениях, тончайших душевных переживаниях, очень верно и глубоко передавать различные психологические состояния: от юмора до трагического пафоса. Твардовский не прибегает к словотворчеству, он поворачивает перед читателем слово новыми гранями, открывая новые смыслы и связи. У Твардовского нет никакой цветистости стиля, мало даже сравнений. В прологе к поэме он пишет:

*А всего иногу пуще
Не прожить наверняка –
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.*

Язык поэмы, несмотря на внешнюю простоту, – образец узнаваемого стиля поэта. Он питается от народной, устной речи. Интонационно богатый текст пересыпан фразами, звучащими, как поговорки и строки частушек:

«Хорошо, когда кто врет весело и складно»; «Нет, ребята, я не гордый, я согласен на медаль»; «Бой идет не ради славы, ради жизни на земле»; «Города сдают солдаты, генералы их берут».

Тонкий художественный вкус, творческое отношение к родному слову позволили поэту выбрать из большого языкового арсенала слова самые простые и прозрачные. В поэзии А. Твардовский всегда придерживался принципа, который сам же и определил:

*«Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке».*

АГНИЯ БАРТО

В одной из своих статей по теории детского стиха Агния Барто писала: «Многих вводит в заблуждение простота детского стиха. Один дедушка написал мне: «Скучно быть пенсионером, думаю, не заняться ли писанием стишков для детишек, дело это не сложное». Но в том-то и дело, что дело-то сложное. Простота детского стиха – это ясность мысли, точность слова, присущие народной поэзии: загадкам, поговоркам, пословицам, звонким детским считалкам, песенкам. В строй детского стиха я считаю вполне возможным вводить аллитерации, ассонансы, разнообразные ритмы – все слагаемые стиха современного. Если они органичны для поэта, то он сумеет сохранить при этом и внутреннюю дисциплину детского стиха, его музыкальность, простоту звучания каждой строки.

Как-то один из начинающих попросил: – Откройте мне все секреты вашего мастерства, я не тупой, пойму.

Я засмеялась: – Охотно это сделаю, хотя самый главный секрет в том, что каждый поэт должен открыть для себя все секреты заново.

Работая над новой книжкой, новым стихотворением, всякий раз продолжаешь их открывать. Давно я для себя открыла, например, что детское стихотворение надо писать «на рост». Как в народной сказке есть второй смысл, не всегда понятный детям, так и в детских стихах должен присутствовать подтекст. Если стихи понравились ребенку, они остаются у него в памяти надолго. А ребенок растет с каждым днем и, возвращаясь к стихотворению, понимает его глубже,

по-новому. Очень увлекательно писать для растущего человека, обращаясь сегодня к сознанию ребенка, одновременно писать как бы впрок. Бывают тут приятные неожиданности. Казалось бы, никак нельзя причислить к любовной лирике стихи «Уронили мишку на пол», но выяснилось, что они соединили одну молодую пару. Девушка не знала, как открыться юноше в чувствах, пересмотрела несколько лирических сборников, но, по ее словам, «там все больше о страданиях любви». Она вспомнила стихи своего детства... а юношу звали Михаилом, и у него были какие-то неприятности, она ему и написала:

*Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу,
Все равно его не брошу,
Потому что он хороший.*

Все кончилось загсом, о чем молодые мне и сообщили.

Эта забавная лирическая история подтвердила мое неизменное ощущение: о чем бы ни были написаны стихи, даже для маленьких, они должны быть обращены к чувствам, именно в этом назначение поэзии».

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Поэзия Н. Рубцова, по сути дела, открывает то направление в современной поэзии, которое называли «тихой лирикой» – очевидно, за ориентацию на строгий классический размер, за стремление к глубине и ясности, за «простоту, добро и правду». В самом деле, что может быть проще:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Р. Винонен вспоминает, как на одной из студенческих вечеринок читали стихи по кругу: «Кому-то было тесно во Вселенной, он задевал волосами звезды, у другого играли ассонансные рифмы вроде «интересно – интеллекта», в белых стихах третьего рифма роскошно отсутствовала... Настал черед поэта-первокурсника, паренька из Вологды...» И Рубцов прочитал «В горнице моей светло». Произошла некоторая заминка: больно уж все просто, даже наивно. Так и было сказано: мол, парень ты хороший, но поэзия дело серьезное. Мы в космосе, а ты «матушка, принеси воды».

Только через 10-12 лет те, кто критиковал стихи Рубцова за эту «несерьезность», признали его большим русским поэтом.

(Продолжение на стр. 6)

МАСТЕРСКАЯ

(Окончание. Начало на стр. 5)

Ведь любовь к родине, малой и большой, никогда не была для него абстрактным понятием.

*...Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот из у омутной воды,
Люблю навек, до вечноного покоя...*

Признание это, как видим, выражено очень простыми словами, которые, будучи изъяты из контекста, из «лирической стихии», могут показаться вполне банальными. В самом деле, что особенного в том, что кто-то признается в любви к «лесам, погостам, молитвам, избушкам, цветам, небесам» и т. д.? Но все дело в том, что слово в стихе не живет обособленной от других слов жизнью. Н. Заболоцкий писал:

«Слова должны обнимать и ласкать друг друга, образовывать живые гирлянды и хороводы, они должны петь, трубить и плакать, они должны перекликаться друг с другом, словно влюбленные в лесу, подмигивать друг другу, подавать тайные знаки, назначать свидания и дуэли». И у Рубцова слова здесь «расставлены» так, что они образуют удивительный союз, который, будучи одухотворен лирическим чувством автора, и создает неповторимое чудо поэзии. В этом союзе «звуков, чувств и дум» предстает образ тысячелетней России.

КЛАССИКИ О ПРОСТОТЕ СТИХА

Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность.

А. С. Пушкин

Посредственность усложняет простые вещи, талант упрощает сложные.

Петр Капица

Великие предметы искусства только потому и велики, что они доступны и понятны всем. Простота. Вот качество, которое я желаю приобрести больше всех других.

Лев Толстой

Необходимое условие и самый верный признак истины – это простота и ясность. Ложь всегда сложна, вычурна и многословна. Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты. Величайшие истины – самые простые.

Лев Толстой

Лев Толстой, как известно, писал очень сложными, разветвленными фразами, с обилием придаточных предложений. В последние годы жизни он стремился к фразе предельно ясной и простой. Все его притчи и многие рассказы поздних лет написаны совершенно иным языком, чем «Война и Мир», «Анна Каренина». Над рассказом «Кавказский пленник» он работал, поставив целью предельное упрощение фразы, и достиг этого. Рассказ понятен и ребенку.

Александр Фадеев

Самое главное – научиться писать просто. Совсем, совсем просто. Уж чтобы проще некуда! Существительное, глагол, точка, ну – может быть! – самое необходимое придаточное предложение, по-детски ясное. Как басня, как молитва, как сказка.

Иван Бунин

Часто истина так проста, что в нее не веришь. Господь создал мир таким, что все простое в нем истинно, а все сложное – ложно. У истины простая речь.

Григорий Сковорода

Подлинное словесное искусство всегда очень просто, картинно и почти физически осязаемо. Писать надо так, чтоб читатель ви-

Генрих Ужегов

**О ПРОСТОТЕ И ЯСНОСТИ
ИЗЛОЖЕНИЯ В ПОЭЗИИ**

дел изображенное словами, как доступное осязанию. Проще! Короче! И будет сильно, будет красиво.

Максим Горький

Истинная красота и мудрость всегда выражается очень просто.

Максим Горький

Мудрость неотделима от простоты. Всякая великая мысль проста.

Александр Куприн

С простоты в творчестве не начинают, ею оканчивают.

Георгий Адамович

Любой интеллигентный дурак способен раздуть, усложнить и обострить. На противоположное требуется хоть немного гениальности и мужества.

Альберт Эйнштейн

Писать просто и ясно так же трудно, как быть искренним и добрым.

Сомерсет Моэм

Настоящее искусство не нуждается в украшениях, как не нуждается в них жена любящего мужа. Поддельное искусство, как проститутка, должно быть всегда украшено.

Лев Толстой

К настоящей внутренней сложности приходят через простоту языка, без всяких литературных излишеств. Именно простота позволяет выразить свою мысль наиболее точно, коротко и сильно. Перегруженность сложными приемами, художественными образами, метафорами, вредна.

Валентин Катаев

Простым языком рассказать о простых вещах, простыми средствами создать прекрасное. Словесные «излишества» подобны излишествах архитектуры. Слишком много украшений, а украшательство – враг красоты.

Вера Инбер

Бог всегда выбирает самый простой путь.

Альберт Эйнштейн

Все великолепные вещи побеждают именно своею мудрой простотой. Долой все словесные ухищрения и затейливые красоты! Писать надобно просто, и чем проще – тем лучше. Как будто беседа по душам с милейшим другом, от которого ничего не скрываешь, он все поймет и оценит с полуслова.

Максим Горький

В искусстве простые вещи бывают сложнее самых сложных. Чтобы решать простые задачи, нужен талант – и не от головы, а от сердца.

Олдос Хаксли

Настоящая простота достигается кропотливым трудом. Истинное искусство умеет говорить ясно и просто о самых сложных вещах. Глубокая мысль только выигрывает, если упростить ее выражение. К сожалению, истинная простота дается только мастеру, она требует больших усилий.

Аркадий Мигдал

Все великое просто, но оно дается большим трудом. Простота пушкинских стихов, кажется, достигнута поэтом без усилия. В действительности простота в нашем деле труднейшее искусство. Для нее изнуряешь себя до последней степени.

Алексей Новиков-Прибой

В общем, каждый пишущий, если он талантлив, в конце концов, приходит к простоте. Юрий Казаков

Простота жизни, языка, привычек придает силу нации, а роскошь жизни, вычурность языка и изнеженность привычек ведут к слабости и погибели.

Джон Рескин

Простота – это труднее всего. Это крайний предел опытности и последнее усилие гения.

Жорж Санд

Иногда считают мои песни простыми. Но простота кажущаяся, это отработанная простота формы, достигнутая трудом. Нарочито упрощенно и на гитаре играю, чтобы ритм и мелодия не мешали воспринимать текст.

Владимир Высоцкий

Тяжелее всего дается легкость. В простоте и сложность вся!

Александр Пушкин

...простота белого стиха должна быть венцом сложности.

Самуил Маршак

Работа над собранием сочинений позволила увидеть пройденный путь. Сравнить, как писал раньше и как пишу теперь. Все постигнутые сложности, оказывается, были дорогой к простоте.

Евгений Замятин

Семь нот гармонического ряда. Семь цветов спектра. Тридцать три буквы русского алфавита. И бесчисленное число комбинаций! Истинное искусство всегда развивается в стремлении к последней простоте и ясности: простые язык и фраза, обычная ситуация, предельная обнаженность мысли. // ...и чем проще будет картина, тем художественнее.

Федор Васильев

Для передачи мысли нужна предельно простая форма. Чем проще человек выражается, тем легче его понимают.

Фенимор Купер

Простота – самое дорогое в искусстве. Но у каждого художника свое представление о ней. Есть простота Пушкина, и есть простота примитива. Не существует некой общепринятой простоты, как нет в искусстве «золотой середины». Добивайся своей собственной, непохожей на простоту коллег.

Всеволод Мейерхольд

Есть два вида выразительности. Первый и не заслуживает этого названия: вымученные предложения, замысловатые и неестественные образы, пестрая словесная мишура. Другой вид выразительности противоположен первому. Можно сказать, подлинный язык Священного Писания, где выразительность вырастает не из выму-

ченной искусственной риторики, а из удивительного сочетания простоты и величия.

Лоуренс Стерн

Многие авторы, да порой и критики часто смешивают понятия простоты и штампа. Предложения, составленные из простых, часто применяющихся в поэзии слов, кажутся им банальными и вторичными. Но, если внимательно присмотреться к понятию вторичности, то можно с уверенностью сказать: в этом мире все вторично. Нет тем, о которых бы никто не писал, нет явления, которое бы не происходило. Нет словосочетаний, которые не применялись бы ранее. Все уже было. Так что же остается делать современным авторам? А выход есть. Как в театре «короля играет свита», так и в литературе каждое слово должно находиться в таком окружении, которое бы подчеркивало его значимость, высвечивало грани, которые раньше не освещал никто. И тогда строка, куплет, да, и все стихотворение высветится внутренним светом, и заживет своей особенной, неповторимой жизнью. Такое стихотворение будет жить, несмотря на простоту и кажущуюся банальность слов его составляющих. В качестве примера хочется привести стихотворение одной замечательной поэтессы Марии Петровых:

*Не взыщи, мои признанья грубы,
Ведь они под стать моей судьбе.
У меня пересыхают губы
От одной лишь мысли о тебе.*

*Воздаю тебе посильной данью –
Жизнью, воплощенную в мольбе,
У меня заходится дыханье
От одной лишь мысли о тебе.*

*Не беда, что сад мой смяли грозы,
Что живу – сама с собой в борьбе,
Но глаза мне застилают слезы
От одной лишь мысли о тебе.*

Может показаться странным, что блестящий поэт построил свое маленькое стихотворение на банальностях, на трех штампах: «У меня пересыхают губы», «У меня заходится дыханье» и – «глаза мне застилают слезы». Эту насыщенность штампами превосхищает и еще больше подчеркивает первая строка, но она же указывает искусственному читателю на преднамеренность штампа, на то, что использование штампа является здесь художественным приемом. Каждая из трех процитированных фраз, вырванная из контекста, – это действительно штамп, но, совмещенные в одном стихотворении, они – произведение. И произведение, обладающее сильным художественным воздействием. Я уже не говорю о том, что здесь нет ни одной фонетически несовершенной рифмы, идеальный ритм. Простота – не простоватость, а стремление найти простое и ясное решение. Это и есть самое трудное, обо всем кратко не скажешь. Простота – это естественность, доведенная до пределов возможного. Далее начинается не простота, а простоватость, не естественность, а наивность.

О простоте и сложности в поэзии когда-то гениально сказала Юлия Друнина:

*Я музу бедную безбожно
Все время дергаю: стой!
Так просто показаться «сложной»,
Так сложно, муза, быть простой.
Ах, простота! Она дается
Отнюдь не всем и не всегда.
Чем глубже вырыты колодцы,
Тем в них прозрачнее вода.*

Простота изложения – явление кажущееся: мне известно, как дается такая простота. За ней, как правило, глубочайшие знания, совершенное владение языком, недюжинный ум и постоянная работа над собой. Иногда поэт всю жизнь идет к тому, чтобы читатель сказал: «Просто и гениально».

ПРОЗА

Клоун

Цирк, как вид искусства, никогда не был приоритетным в моей жизни. Но один его жанр является исключением. Я имею в виду клоунаду. У нашего поколения была целая плеяда замечательных клоунов: Юрий Никулин, Михаил Румянцев (Карандаш), Олег Попов.

Как гром среди ясного неба стало известие, что в 1991 году Олег Попов эмигрировал в Германию. От какой обиды уехал из России Солнечный Клоун и стал ли он на немецкой земле Счастливым Гансом? Мечтал ли он когда-нибудь покинуть родину и прижиться в благополучной Европе? Кто знает, почему это случилось... Причин, скорее всего, было несколько, но одну из них автор этих строк знает доподлинно.

Начало девяностых. Время трагичных потрясений державы. Народу стало не до зрелищ, а уж тем более – балаганных. Их хватало на улицах. Сама жизнь крутила салты и выкидывала такие антраша, что меньше всего в это время людям был нужен цирк. Однако чем дальше от столицы, тем меньше шума, зачастую пустопорожнего. Попов стал выступать в провинциальных цирках, кочуя из одного города в другой. Прибыл знаменитый лицедей и в столицу Кубани – Краснодар.

В то же самое время в упомянутом граде я приносил сомнительную пользу отечеству, служа на фарфоро-фаянсовом заводе художником. Творческие мастерские предприятия располагались в трехэтажном здании. На первом этаже трудились скульпторы, модельщики, литейщики, разрабатывая новые формы ваз, чашек, тарелок, декоративно-прикладных сувенирных изделий. На пыльных деревянных полках высились ручные выделки шамотные вазы, на бисквитно-матовых блюдах рельефно чернели пластилиновые русалки и амурсы, на краснобоких куманцах рыжеусые казаки, размахивая вострыми сабельками, прищипывали коней. Глиняными стаями, в дружелюбном соседстве, стояли медведи, волки, зайцы и даже рыбы. На весь этот Ноев контингент свысока, как и подобает женщинам, взирали пышнотелые спортсменки и Дианы-охотницы, с одинаковой одержимостью сжимающие в своих отнюдь не девичьих дланях весла и луки.

На втором творили, изобретавшие новые рисунки художники – живописцы, как принято называть расписчиков по фарфору и фаянсу. На белоснежных бокалах, тарелках, чашках рождалась замысловатая, словно морозный узор на оконном стекле, кобальто-пурпурная вязь керамических красок.

Живопись по фарфору отличается от живописи по холсту тем, что на китайском изобретении возможен только один мазок беличьей кисти. Потом краску для очередной мазка, разведенную на стекле шпателем, нужно особым приемом набирать снова. Одно неловкое движение кисточки – и работа испорчена, нужно начинать все сначала.

В помещении витал неповторимый запах растворителей керамических красок – скипидара и терпентинового масла, воздуха, кстати, не ионизирующего. Но разве такая мелочь может огорчить творца? На блюдах, готовые вспорхнуть в любую секунду, сидели селеново-угольные снегири, на чашках и бокалах, сдержанно мерцая матовыми красками, распускались невиданные цветы. Но только после обжига они засверкают во всей своей красе.

На третьем этаже располагался музей завода, где были собраны лучшие образцы предприятия, выпущенные со дня его основания: от обыкновенной фаянсовой тарелки до шикарных декоративных сувениров. Живописцы на заказ расписывали вазы с изображенными на них портретами деятелей науки, культуры, спорта. Затем отцы города или директор завода преподносили эти вазы упомянутым людям на юбилеи и за их достижения в своей области.

Работа художника была кропотливой и требовала значительной усидчивости, которой, кстати, не всем хватало. Частенько, отложив кисти и шпатель, я спускался на первый этаж, где царил более раскрепощенная обстановка. Несмотря на условный, присущий художникам-скульпторам демократизм, на каждом этаже был свой бригадир. Эхо, так сказать, советского времени. «Руководил» деятелями резца и циркуля модельщик Михай, а именно: кому и когда бежать за очередной бутылкой. Однако в усмерть ваятели не упивались, а если кто и хватал лишку, то час-другой «уставший» почивал в закутке мастерской, за мешками с гипсом.

В тот воскресный день мы с Михеем делали шабашку – «набивали» шамотное панно для частного бассейна. Закрылись изнутри, чтобы никто не мешал творческому процессу. Немногом более полудня бригадир, посмотрев на часы, сообщил, что уже можно бежать в магазин. Приказ начальника, пусть и условного, – закон для подчиненного. Недолго мешкая, я отправился в путь, который, кстати, был неблизким – завод располагался в промышленном районе, и винные лавки находились достаточно далеко.

Когда я вернулся, из окон первого этажа доносился фальцет Михея. Если проявить изрядную долю фантазии, то из звуков, исторгаемых модельщиком, можно было узнать битловский «Yesterday». Стучать в дверь оказалось бесполезно, а под окнами мастерской росли колючие кустарники роз. Я благоразумно дождался окончания ремейка на тему Маккартни. Однако пришлось настойчиво стучаться в дверь еще минут пять. Открыл бригадир и искренне удивился, будто мы не виделись несколько дней.

– О, Василь! – Михея слегка качнуло. – Ты че приперся в воскресенье?

Модельщик был вызывающе пьян. В помещении, кроме бригадира, находился живописец-портретист Женя Никитин, с которым, видимо, Михей и выпил. Увидев бутылку водки, которую я вынул из кармана, они несказанно обрадовались.

– Ему, пожалуй, хватит, – сказал Женя, кивнув на собутыльника.

– Ты че, Евгений!? – возмутился модельщик. Но тут же, забыв обиду, ткнул ладонью в пространство мастерской. – Глянь, кого Женя изобразил.

На столе белела почти метровая фарфоровая ваза. Я подошел ближе. На меня смотрел Олег Попов. Смотрел и улыбался. Но глаза Солнечного Клоуна были отчего-то грустны. Я бережно и почтительно прикоснулся к горячей, только что вынутой из печи вазе.

– Осторожно! – крикнул Женя, и словно оправдываясь, добавил: – Почти два месяца писал. Сегодня ее должны забрать.

– Молодец, маэстро! – похвалил Михей, на что было трудно возразить – Никитин слыл одним из лучших портретистов по фарфору во всей России.

Бригадир с трудом переместился к столу и открыл бутылку.

– Наливай! – Женя обреченно махнул рукой.

Мы хлопнули по соточке. Вскоре модельщик окончательно «устал», и его пришлось переместить за мешки с гипсом. Я переоделся, но работа почему-то не шла.

– Давай ее, наверное, добьем, – сказал Евгений, кивнув на недопитую бутылку.

– Давай.

Без особого энтузиазма мы опустошили поллитровку. И как раз в это время в дверь настойчиво постучали.

– Кого это нелегкая в выходной день принесла? – я влез из-за стола.

– Подожди, – Женя достал из шкафчика Михея замызганную милиционерскую фуражку со сломанным козырьком, неизвестно как сюда попавшую, и водрузил ее мне на голову.

– Напугаешь незваных гостей, – хохотнул Евгений.

Неспешным шагом я пересек мастерскую и, отомкнув замок, открыл дверь. Перед входом, с демонстративно суровым, можно сказать, свирепым лицом стоял директор завода. Чуть в стороне застыло в ожидании все остальное руководство предприятия: секретарь парткома, председатель профкома и комсомольский вожак. Среди них был еще один человек – мужчина лет пятидесяти, похоже, знатный гость, которому, скорее всего, хотели показать экспонаты музея. А тут такая незадача – не хотят пускать!

– Ты чего вырядился как клоун? – сказал директор, кивнув на фуражку, и тут же заметно сконфузился. Вполборота повернулся к гостю и развел руками: художники – что с них взять? И снова мне: – Вот, заставили ждать

знаменитого кло... – директор запнулся, – артиста цирка Олега Попова.

Я взглянул на гостя. Выстроенный телевидением образ слабо связывался с оригиналом – это был внешне непримечательный человек, встретившись на улице с которым, даже не обернулся бы. Олег Попов сделал шаг мне навстречу и протянул руку:

– Здравствуйте, коллега.

Я сдернул с головы милиционерский картуз и, сунув его под мышку, пожал артисту руку.

– Здравствуйте.

В дверях, словно сглаживая ситуацию, появился Женя. Директор упер в художника строгий взгляд:

– Никитин, ваза готова?

– Готова, Алексей Дмитриевич.

– Проходите, пожалуйста, – руководитель жестом пригласил знаменитого гостя в помещение.

Олег Попов медленно шел по мастерской, разглядывая стоящие на полках работы.

– Ваши? – клоун повернулся к нам с Женей. Мы неопределенно пожалы плечами.

– Всего коллектива завода, – сказал директор.

– Несомненно, – кивнул головой артист. – Хотя равенство, будь это работа, брак или, предположим, социум – вариант исключительно теоретический.

Все промолчали... Да и что можно было возразить по этому поводу? Женя подвел свиту к своему фарфоровому детичу.

– Боже, какая прелесть! – на лице Олега Попова сияла неподдельная радость. Заводская элита, довольная произведенным эффектом, счастливо улыбалась.

Хэппи энд? Как бы не так: из-за бумажных мешков неровной поступью выдвигался Михей. Совершенно не озабоченный тем, как к нему отнесутся окружающие, модельщик отряхивал с халата гипсовую пыль.

– Че за шум, а драки нет? – бригадир длинно посмотрел на присутствующих. Определенная смелость Михея была обозначена тем, что ему прощались подобные шалости, ибо мастера такого уровня больше в городе не было.

– Наш ведущий специалист, – директор ткнул в сторону Михея рукой и, слегка повернувшись к нам, зашипел: – Уведите его немедленно!

Ха! Увести бригадира в таком состоянии? Вдвоем!? Сейчас без боя его бы не смогли депортировать и полдюжины крепких мужиков. Модельщик легко высвободился из наших рук и, выйдя на авансцену, собрался говорить речь. Михей славился еще и тем, что в любой ситуации мог организовать незапланированную случайность. Не изменил он себе и на этот раз. Как известно, законы риторики предполагают некую жестикуляцию. Бригадир прокашлялся, энергично взмахнул рукой, зацепив ею вазу. Шедевр качнулся и, отозвавшись звонким погребальным эхом, рухнул на бетонный пол. Сотни фарфоровых осколков впелись в сердца, души, мозги присутствующих. Стало пронзительно тихо. Ведь говорят же, что в водке больше разрушительной силы, чем в полном собрании сочинений В. И. Ленина. Похоже, Михей этого не знал. Или забыл. Он с трудом нагнулся, поднял два крупных осколка, попытался их приставить друг к другу. Неподдельно грустно вздохнул и положил осколки на пол. Развел руками и, взглянув на Олега Попова, сказал:

– Не подходят.

Щеки директора наливались яростно-алым цветом.

– Вон! – завопил руководитель.

Михей пожал плечами и походкой женщины, впервые познавшей мужчину, направился к выходу. Есть такие раздолбаи, после поступков которых, многое, непосильным трудом найденное духовное наследие человечества идет псу под хвост. Или в Германию...

– Извините, пожалуйста, товарищ артист, – виновато сказал директор. Затем повернулся к Жене и рявкнул: – Никитин, сколько потребует времени, чтобы изготовить такую же вазу? – покосившись на осколки, он сморщился словно от зубной боли.

– Месяц, не меньше, – ответил живописец.

– Две недели, – резюмировал руководитель. – И не выходить из мастерской, пока не будет готова. – В его глазах змеились оранжевые молнии. – Я еще разберусь с вами...

– Алексей Дмитриевич, – Олег Попов тронул главу предприятия за рукав, – я прошу вас не наказывать этих людей, – великий клоун взглянул на дверь. – Он ведь не хотел.

Нас действительно почти не наказали: на Михея был уже подписан приказ об увольнении, однако в последний момент директор бумагу разорвал. Всех троих, правда, лишили премии – но что это за ерунда по сравнению с пережитыми эмоциями в тот злополучный день? Вазу Никитин сделал за месяц. Ее повезли в Москву, но в Госцирке сказали, что Олег Попов эмигрировал в Германию. Кто знает, почему...

Ваза до сих пор стоит в музее Краснодарского фарфоро-фаянсового завода, на большей части территории которого построили развлекательный комплекс. Но это уже совсем другая, не менее печальная история.

Василий Вялый,
член Союза российских писателей

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ КУБАНИ

Елена Шульгина-Авдеенкова

Мир голливудский на экране ярок,
Но я сравнений с ними не ищю.
Я принесу тебе сирень в подарок,
И яблоком российским угощу.

Ты думаешь, что много интересней
Мирок циничных, в стразах, зазывал?
А я тебе спою казачью песню,
Что дед мой вольно на степи певал!

Пусть где-то кто-то вертит задним мозгом,
И воет в микрофон под кайфом доз,
Но в этом доме будет плыть Чайковский,
И Хворостовский прошибет до слез!

Пусть кто угодно хлопает порокам,
Разменивая души по рублю,
А я тебя – Зиновьевым и Блоком,
И Пастернаком вдосталь накормлю!

Размазывая слюни по экранам
И кланяясь искусственным божкам,
Пусть тешатся глупцы! А я не стану.
Сама не стану и тебе не дам!

Музыка

Музыка была когда-то, помните?
Нежная и хрупкая, как лист...
Не адреналин которой гоните,
И не та, сосущая, как глист.

И не та, что бьет до оглушения.
Иль пускает склизкую соплю.
А такая, что несла парение
И слагала крылья к алтарю...

Нынче вы беднягу не узнаете:
Крики, взвизги, стоны в неглиже...
Вроде бы она, но, понимаете,
Падшая какая-то уже...

Музыку давно уже не милуют,
Набивая нотами карман.
Словно ее толпами насилуют
Под смертельно пьяный барабан...

* * *

Одинокий и седой старик
С неизбежной выправкой солдатской,
Той, что не оставил ни на миг...

Высится над ним стена гранита,
И на ней – две тысячи имен.
И – ничто, поверьте, не забыто,
И – никто не канул в забвенье.

Посмотри: в руке зажал фуражку
Ветеран... Пришедший помянуть,
Фронттовую достает он фляжку,
Чтобы хоть глоточек отхлебнуть...

По граниту он рукой проводит,
Может быть, они его зовут?
Он их хоронил... И он их помнит,
Каждого, закопанного тут.

Чередой текут неторопливой
Слезы из его закрытых глаз...
Плачет человек перед могилой.
Помолчим, пожалуйста, сейчас....

Прощание

Хотя и март – всю ночь февраль
Уйти запаздывал:
Из белых хлопьев вил печаль,
И мир замазывал.

Но ближе к полудню ушел
Без «до свидания».
И ты в последний раз пришел
Перед прощанием.

В пальто стоишь, где тополя
Стеной осталье,
И где мешается земля
С водою талою.

И жадно мечутся в толпе
Глаза тоскливые...
Меня не отыскать тебе
За стенкой стылою.

Смотрю оттуда и в груди
Все, рвась, колотится:
Сил не достанет подойти
И плакать хочется.

Замру на этом рубеже.
Шагну, некрепкая,
И не смогу разжать уже
Ладони цепкие.

И криком изойду вздохом,
Чтоб звезды падали,
И не подняться уже чтоб
С колен... а надо ли?..

Тому, с чем буду жить теперь,
Одно название:
Унынье с примесью потерь
Без ожидания.

Я постою еще чуть-чуть,
И прочь, печальная.
Ступай, прости, прощай, забудь
Меня, случайную.

Нас, без прощаний, разметут
В припадке творчества
Бог и Судьба, создав вот тут
Два одиночества.

Эй!

Да это ж я тебя зову: Эй! Эй!
Но почему-то тебе слышится: Бей! Бей!..
Как будто пуля я, как будто я злодей...
Ты слышишь – эй! А переводишь, как – убей!..

И почему тебе мерещится оскал,
Тогда, когда с улыбкой я навстречу?
И в мыслях не было пинать того, кто пал...
Да что с тобой такое, человечек?

Простила и обиды, и разлуку...
Чего же верещишь ты, как сверчок?
Да, я тебе протягиваю руку
Не для того, чтоб стукнуть, дурачок...

СОБЫТИЕ

Простота спасет мир

(Окончание. Начало на стр. 1)

Выиграл конкурс – и тут же проиграл
в творчестве. Как говорится, не почить
бы на лаврах.

Корр.: Может, были приглашения
напечататься? Был ли интерес со
сторон СМИ?

Гранкин: ... Есть такой интернет-
журнал «Улитка», но я там и раньше
печатался. Там меня знают, связь под-
держивается. На Стихи.ру есть такой
Игорь Шевченко, который проводит
конкурс хайку и печатает в журнале
победителей конкурса. Туда тоже мои
хайку попали.

Кротов: А мне пришло приглаше-
ние в Германию... Но, к сожалению,
поездку нужно оплатить за свой счет.
Таких средств у меня нет.

Корр.: Иван, зато тебе удалось вы-
браться в Москву. За твоими плечами
богатый опыт. Можно сказать, на хайку
ты собаку съел.

Кротов: Да, хайку пишу очень дав-
но, больше 20 лет. На меня большое
впечатление в свое время произвела
книга Александра Долина «Одинокий
сверчок», которая вышла, по-моему,
в 1988 году. Она была особо примечательна тем, что богато проиллюстрирована работами японских художников. Создавалось цельное впечатление. Японские авторы хайдзины, зачастую и художники, использовали свои хайку для иллюстрации картин. Вот с тех пор пишу и пишу... Но поскольку я был далек от Интернета, только недавно, около года назад, узнал о том, что в Сети проводятся интересные конкурсы. Попал только на 4-й конкурс.

Корр.: Чем запомнилась поездка на

конкурс в Москву?

Кротов: Порадовала доброжелательная атмосфера к авторам, все относилось друг к другу очень предупредительно и хорошо. Старались помочь...

Корр.: Встречи интересные были?

Кротов: Со многими был знаком лично, когда только начал публиковать свои работы в Интернете около года назад. О многих авторах хайдзины знал, следил за их теоретическими исследованиями и разъяснениями, как правильнее писать хайку. Например, читал статьи некоторых членов жюри, и теперь же увидел их воочию. В живую гораздо интереснее общаться, чем по переписке.

Корр.: Ну, и в завершение нашей беседы, как раньше модно было спрашивать: ваше кредо? Можно выразить хайдзином здесь и сейчас какое-то чувство, настроение, а может предчувствие? Начинается новый год, а как начали бы его вы, какой строкой микроформы? Все, что на ум придет...

Гранкин: Я могу только повторить. Так же первого января я поднялся утром: «Первое января Столько новых красок На праздничной скатерти». Или вот еще: «Вышел на улицу После нового года Все в шубах дворовые котятка».

Кротов: На моей страничке на Стихи.ру есть такое стихотворение: «Все, что сегодня Имеет значение, – ветер! Лишь ветер...»

Корр.: Помнится, меня потряс рассказ Рэя Бредбери «Ветер». В детстве услышал инсценировку по радио. Причем слышал обрывками, но помню, что ветер охотился за человеком и, в конце концов, убил его. Буквально на

днях нашел этот рассказ в Интернете и еще раз его перечитал.

Кротов: Те же японцы одушевляют силы стихии – ветер, огонь, воду...

Гранкин: Японская культура сама по себе интересная, но сложная для восприятия европейцев.

Кротов: Язык японский достаточно простой, даже примитивный, довольно рано обособился. Скажем, не передается категория рода. Если про хайку о Вороне, в оригинале же ведь не уточняется, о ком идет речь – о вороне или вороне. Иногда порой не уточняется и количество – один ворон или несколько... Эта недосказанность, неоднозначность позволяет хайку играть разными смыслами, передавая тонкие оттенки настроения.

Гранкин: Очень много интерпретаций того же хайку про лягушку. Несколько сотен страниц может уйти на такие интерпретации.

Корр.: Японский язык хайку – это некий язык-схема, в которую читатель или слушатель может встраивать свои интерпретации. Есть повод задуматься, когда слышишь точку зрения, что необходимо в творчестве выражать малейшие оттенки смысла грамматикой. Бывает, читаешь такие перегруженные словами произведения и грустно становится. То ли дело пунктир, кусочно-непрерывные, как говорят математики, функции. В литературную ткань текста запускаются пустоты, где никакой однозначности нет и в помине.

Гранкин: Взять картины некоторых художников. Издали – красота, а начнешь вблизи рассматривать – неаккуратные мазки.

НАША СПРАВКА

Иван Кротов родился 29 декабря 1967 г. в городе Анадырь. В настоящее время проживает в г. Гулькевичи.

В 1996 году создал и бессменно руководит творческим объединением «Ладомир», объединяющим местных писателей и художников.

Пишет давно, преимущественно прозу (фантасстику). Большая часть стихотворений – верлибры и трехстишия (хайкай). Печатался в краевых изданиях, журнале «Fenestro». Выпускает альманахи «Ладомир» и «Микролит». Внелитературные увлечения: графика, создание настольных игр, реконструкция дослехов.

Победитель IV Международного конкурса хайку на русском языке (по версии Юрия Орлицкого), 2011 г. – в номинации традиционное хайку:

*мокрым снегом
собака прячется
за пешеходом*

*туманное утро
между водой и небом
цапля*

В рубрике современные хайку:
*домик на взморье
раковина улитки
лежит на песке.*

Николай Гранкин родился 27 сентября 1964 года в Туапсе. С 1988 года живет в Краснодаре. Искусством написания хайку занимается около двух лет. Его работы также можно увидеть в интернет-журнале «Улитка», 4-й и 5-й номера, и на сайте haiku-do.com, где он публикуется под псевдонимом «Николай В.»

Победитель в номинации «традиционное хайку», по версии Дмитрия Кудри: *летний вечер
дети кричат
догоняй!*

Приз читательских симпатий в номинации «сен-рю»:
*смотрим с жабой
друг на друга
ну не красавцы*

Дипломант в номинации «современное хайку»:

*утро
опять никогда не видел
таких облаков*

*вечер
теряет подробности
пейзаж за окном*

Дипломант в номинации «традиционное хайку»:

*свежий снег
птичьих лапок следы
сходятся расходятся...*